

«Охранная грамота» Б. Пастернака: О ВОЗМОЖНОМ СМЫСЛОВОМ ОБЕРТОНЕ ЗАГЛАВИЯ

© О. А. ЛЕКМАНОВ,
доктор филологических наук

В заметке предпринимается попытка обосновать существенный смысловой оттенок заглавия очерка Бориса Пастернака «Охранная грамота». Выдвигается предположение, что для автора могла оказаться существенной программная статья В. Перцова «График современного Лефа», опубликованная в том же номере журнала «Новый Леф», что и отрывок из пастернаковской поэмы «Лейтенант Шмидт».

Ключевые слова: Пастернак, «Новый Леф», Пушкин, язык советской эпохи.

Словосочетание «охранная грамота» было весьма употребительным в языке советской эпохи 1920-х годов. Оно «обозначало известный в то время документ, выдававшийся для защиты квартиры, культурных ценностей или частных собраний от национализации», – справедливо указывают комментаторы наиболее полного собрания сочинений Б.Л. Пастернака [1. Т. III. С. 552]. А далее они разъясняют смысл заглавия очерка 1931 года: «Пастернак имеет в виду оправдание искусства в годы, когда с особой ясностью стала понятна его уязвимость и незащищенность перед лицом государства» [Там же].

Такая интерпретация представляется убедительной, но не исчерпывающей. Попробуем продемонстрировать, что у заглавия «Охранная грамота», вероятно, имелся смысловой обертон, который ныне совершенно выветрился, но, как кажется, мог быть весьма значимым для целой группы современников автора – участников объединения Левый фронт искусства – недолгих соратников Пастернака, ставших затем его литературными и личными врагами. Владимир Маяковский был человеком «почти животной тяги к правде», но он «окружал себя мелкими привередниками, людьми фиктивных репутаций и ложных, неоправданных притязаний». Так Пастернак охарактеризовал деятелей Лефа в своем очерке [Там же. С. 223].

Так вот: распространенную формулу «охранная грамота» обыгрывает в финале своей программной статьи, напечатанной в первом номере «Нового Лефа» за 1927 год, один из видных представителей этого

объединения, критик Виктор Перцов. Он разворачивает серию метафор против тех, кто призывал «учиться у классиков»: «Современная художественная культура слишком часто выступает как коллективный сторож на могиле Пушкина. Под охранной грамотой “культурного наследства” она занимается спиритическими сеансами, наводя на ясный сегодняшний день “великие тени” в качестве реальных революционных политиков» [2].

Пастернак точно держал в руках первый номер «Лефа» за 1927 год, поскольку в нем под заглавием «14 ноября» был опубликован фрагмент его поэмы «Лейтенант Шмидт» [3]. К заключительным абзацам статьи Перцова внимание автора «Лейтенанта Шмидта» могло привлечь упоминание критиком его имени чуть выше только что процитированного фрагмента: «Поэтическая работа Маяковского, Асеева, Третьякова, Пастернака, Кирсанова вычерчивает ломаную, значительная часть которой расположена в эстетической зоне» [2].

К Перцову Пастернак питал стойкую неприязнь, как к автору разгромной рецензии на книги «Сестра моя жизнь» и «Темы и вариации» (напечатанную еще в 1924 году) под обидным названием «Вымышленная фигура» [4]. Подразумевая эту рецензию, а также новую, хвалебную, статью о себе Перцова [5], Пастернак 19 июня 1927 года писал Марине Цветаевой об этом критике и о журнале «На литературном посту»: «(X)валит меня человек, разносивший за Сестру и Темы, и хвалит так, точно я у него и у журнала в кармане. И что это за карман!» [1. Т. VIII. С. 50].

Как известно, Пастернак отнюдь не был склонен забывать те или иные раздражившие его газетные или журнальные заметки и фрагменты заметок. Вспомним признание поэта из «Высокой болезни» в том, что он «долго помнил назубок» «(к)ощущственную телеграмму» [1. Т. I. С. 258], напечатанную в номере железнодорожной газеты «Гудок» от 5 сентября 1923 года и выражавшую сочувствие японским рабочим – жертвам грандиозного землетрясения, но отнюдь не всем японцам, пострадавшим от этой страшной катастрофы [6]. Вспомним для того, чтобы высказать, может быть, слишком рискованное предположение: и в интересующем нас сейчас случае Пастернаку настолько крепко засело в память словосочетание из статьи Перцова, что он вызывающе сделал это словосочетание заглавием собственного произведения.

Если это было бы так, то сразу два фрагмента пастернаковской «Охранной грамоты» могли бы прочитываться как полемические по отношению и к процитированному отрывку из статьи лефовского критика, и к позиции лефовцев в целом.

Во-первых, как противопоставленный плоским рассуждениям Перцова о «“культурном наследстве”» (в презрительных кавычках) может восприниматься восторженный пассаж из «Охранной грамоты» об «истории-

ческом наследстве» [1. Т. III. С. 169], как оно понималось философской школой Когена: «Школе чужда была отвратительная снисходительность к прошлому, как к некоторой богадельне, где кучка стариков в хламидах и сандалиях или париках и камзолах врет непроглядную отсебятину, извинимую причудами коринфского ордера, готики, барокко или какого-нибудь иного зодческого стиля. Однородность научной структуры была для школы таким же правилом, как анатомическое тождество исторического человека. Историю в Марбурге знали в совершенстве и не уставали тащить сокровище за сокровищем из архивов итальянского Возрождения, французского и шотландского рационализма и других плохо изученных школ. На историю в Марбурге смотрели в оба гегельянских глаза, т. е. гениально обобщенно, но в то же время и в точных границах здравого правдоподобья. Так, например, школа не говорила о стадиях мирового духа, а, предположим, о почтовой переписке семьи Бернулли, но при этом она знала, что всякая мысль сколь угодно отдаленного времени, застигнутая на месте и за делом, должна полностью допускать нашу логическую комментацию. В противном случае она теряет для нас непосредственный интерес и поступает в ведение археолога или историка костюмов, нравов, литератур, общественно-политических веяний и прочего» [Там же].

То есть, вместо противопоставления новаторской, революционной культуры настоящего устаревшей культуре прошлого (как это делает Перцов), Пастернак предлагает взглянуть на лучшее в культуре прошлого как на органическую часть культуры настоящего, которая, соответственно, может подвергаться ревизии наравне с современными культурными явлениями.

Во-вторых, особое значение приобретает единственное в «Охранной грамоте» и потому еще более значимое суждение о Пушкине, а, говоря точнее, неброское, но отчетливое уподобление последнего года его жизни последнему году Маяковского: «(К)то поймет и поверит, что Пушкину восемьсот тридцать шестого года внезапно дано узнать себя Пушкиным любого – Пушкиным девятьсот тридцать шестого года. Что настает время, когда вдруг в одно перерожденное, расширившееся сердце сливаются отклики, давно уже шедшие от других сердец в ответ на удары главного, которое еще живо, и бьется, и думает, и хочет жить. Что множившиеся все время перебои наконец так учащаются, что вдруг выравниваются и, совпав с содроганьями главного, пускаются жить одною, отныне равноударной с ним жизнью. Что это не иносказанье. Что это переживается. Что это какой-то возраст, порывисто кровный и реальный, хотя пока еще не названный. Что это какая-то нечеловеческая молодость, но с такой резкой радостью надрывающая непрерывность предыдущей жизни, что за неназванностью возраста и необходимостью сравнений она своей резкостью больше всего похожа на смерть. Что

она похожа на смерть. Что она похожа на смерть, но совсем не смерть, отнюдь не смерть, и только бы, только бы люди не пожелали полного сходства» [Там же. С. 230–231].

Пастернак здесь конкретизирует и персонифицирует то свое представление о связи культуры прошлого с культурой настоящего, которое он, опираясь на идеи Когена, изложил в «Охранной грамоте» ранее. В трагическом финале судьбы современного поэта – Маяковского просвечивает трагический финал Пушкина, и это делает не только убогой, а просто нелепой метафору Перцова о критикуемой им «современной художественной культуре» как о «коллективном стороже на могиле Пушкина». Ведь гибель Маяковского как раз бывших левовцев превратила в «коллективного сторожа» на его могиле. Левовцы беспрестанно «клялись» именем своего кумира и пытались сделать мертвого Маяковского «реальным революционным политиком» (цитируя все того же Перцова).

Возможно, впрочем, что мы придаем слишком большое значение журнальному тексту вполне маргинального для Пастернака критика, и словосочетание «охранная грамота» автор очерка взял не из статьи Перцова, а из живой речи конца 1910-х – конца 1920-х годов.

Литература

1. *Пастернак Б.Л.* Охранная грамота // *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч. с приложениями. В. 11 т. М., 2004. Т. III. С. 223. О взаимоотношениях Пастернака с левовцами (в том числе, и с В. Перцовым, о котором пойдет речь далее) см., в первую очередь: *Флейшман Л.* Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003.
2. *Перцов В.* График современного Лефа // *Новый Леф.* 1927. № 1. С. 18–19.
3. *Пастернак Б.Л.* 14 ноября // *Новый Леф.* 1927. № 1. С. 24–25.
4. *Перцов В.* Вымышленная фигура // *На посту.* 1924. № 1. С. 209–224.
5. *Перцов В.* Новый Пастернак // *На литературном посту.* 1927. № 2. С. 32–39.
6. *Сергеев-Клятис А., Лекманов О.* Агитпрофсоюзский лубок. Из реального комментария к Пастернаку // *Новый мир.* 2010. № 6. С. 155–162.

*Научно-исследовательский университет
Высшей школы экономики*